

ПОГРЕБЕНИЯ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ ДЛИННОГО КУРГАНА У СЕЛА ОРЛОВСКОЕ (из раскопок В.К. Кульбаки)

Представленные материалы кургана, исследованного у с. Орловское Тельмановского р-на Донецкой обл., в некоторой степени дополняют базу источников по изучению древностей срубной культуры Северного Приазовья. Рассматриваются вопросы внутренней периодизации кургана и некоторые особенности обрядово-инвентарного комплекса.

Исследовательский интерес к курганным древностям Северо-Восточного Приазовья имеет давнюю традицию. С конца XIX века начинается планомерное изучение курганов бассейна Кальмиуса. В 1888 – 1889 гг. в окрестностях города Мариуполя раскопки проводил Н. Е. Бранденбург. Были вскрыты курганы в низовьях Кальмиуса и вдоль его правого притока – реки Кальчик [Журнал...1908, с. 178-190; Качалова 1974, с. 20-21]. В начале XX столетия здесь работали В.А. Харламов [Харламов 1908, с. 235-236] и Е.П. Трифильев [Трифильев 1907, с. 366-368].

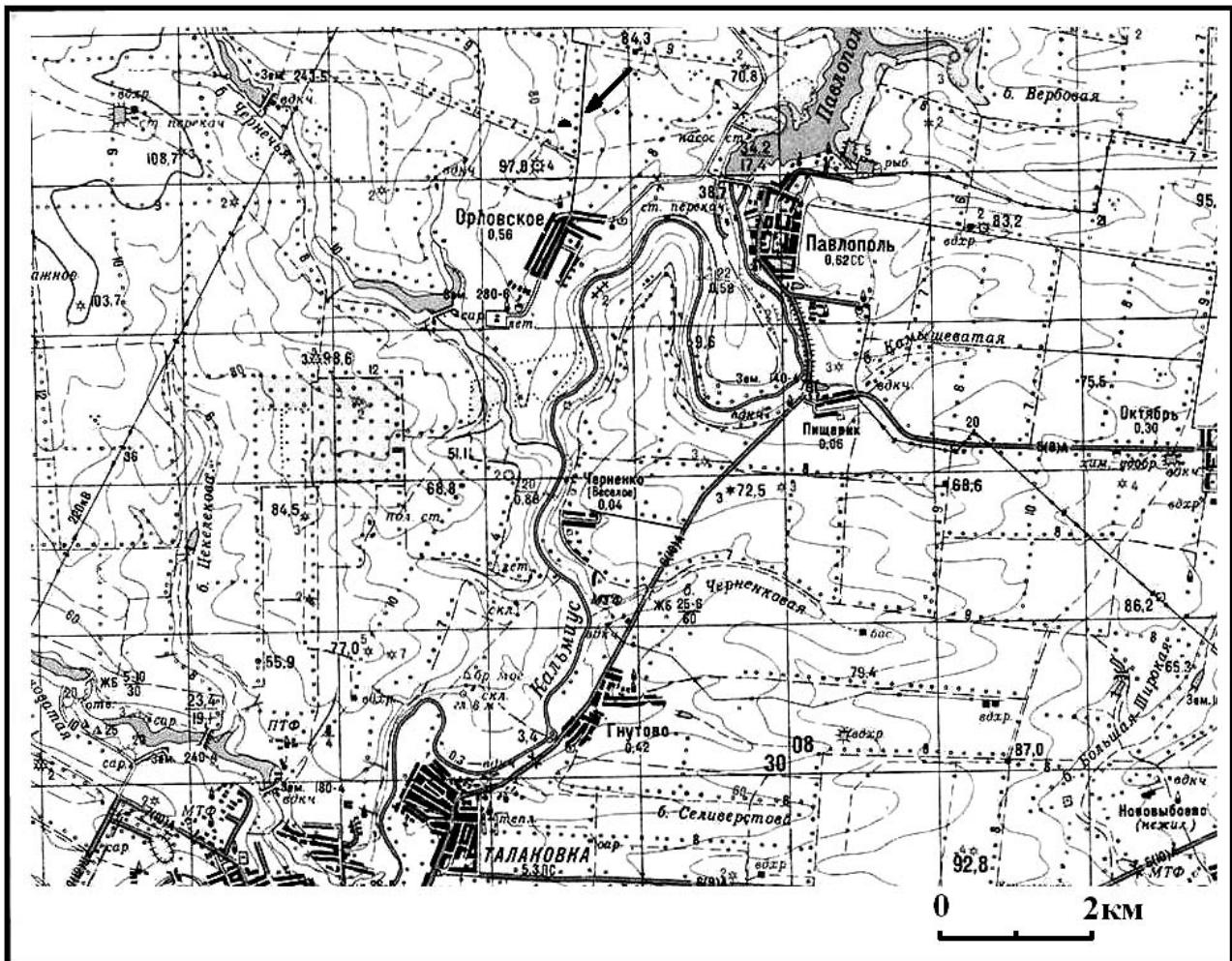

Рис. 1. Карта расположения кургана у с. Орловское.

Fig. 1. A map of an arrangement of a barrow at village Orlovskoje.

Начало действительно научному исследованию бассейна Кальмиуса было положено работами В. А. Городцова. В 1903 г., вслед за раскопками в бассейне Северского Донца, были исследованы курганы в верховьях реки Кальмиус [Городцов 1907, с. 211-365]. Изучение курганов в первой половине XX века связаны с работами П. М. Пиневича [Пиневич 1927], Н. Е. Макаренко [Макаренко 1931] и В.М. Евсева [Усачук 1991, с. 46 – 48; 1993, с. 46-52]. Все эти немногочисленные исследования проводились в конце 20-х – начале 30-х гг.

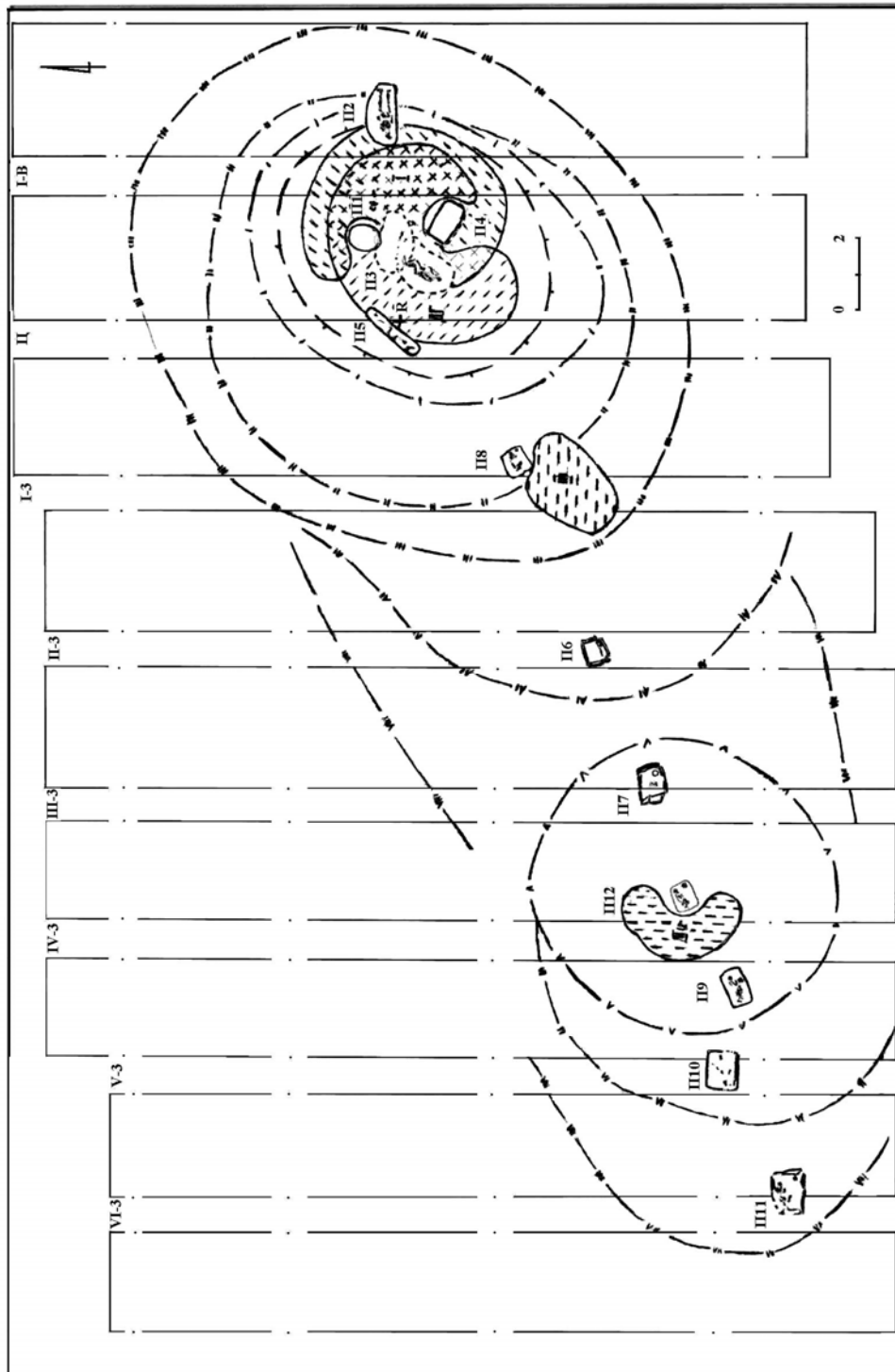

Рис. 2. Орловское. Общий план кургана 1.

Fig. 2. Orlovskoje. A general plan of a barrow 1.

С начала 1970-х гг. в изучении погребальных памятников начинается качественно новый этап. Он характеризуется резким увеличением источниковой базы, представленной, в первую очередь, материалами курганных могильников, исследовавшихся в ходе новостроечных работ в зонах мелиорации. Окрестности с. Орловское Тельмановского р-на Донецкой обл., расположенного на правом высоком берегу Кальмиуса, также стали объектом пристального внимания исследователей. В 1976 г. енакиевская археологическая экспедиция «Эврика», возглавляемая В.Ф. Клименко, раскопала 2 кургана в 1,5 км к югу от села. В том же году был исследован еще один курган в 6 км к югу от села [Клименко 1976; Клименко, 1998, с. 19-35]. В 1980 г. новостроечной экспедицией Дон ГУ был раскопан еще один курган в 1,5 км к юго-востоку [Моруженко и др. 1980; Санжаров 1999, рис. 8, 2].

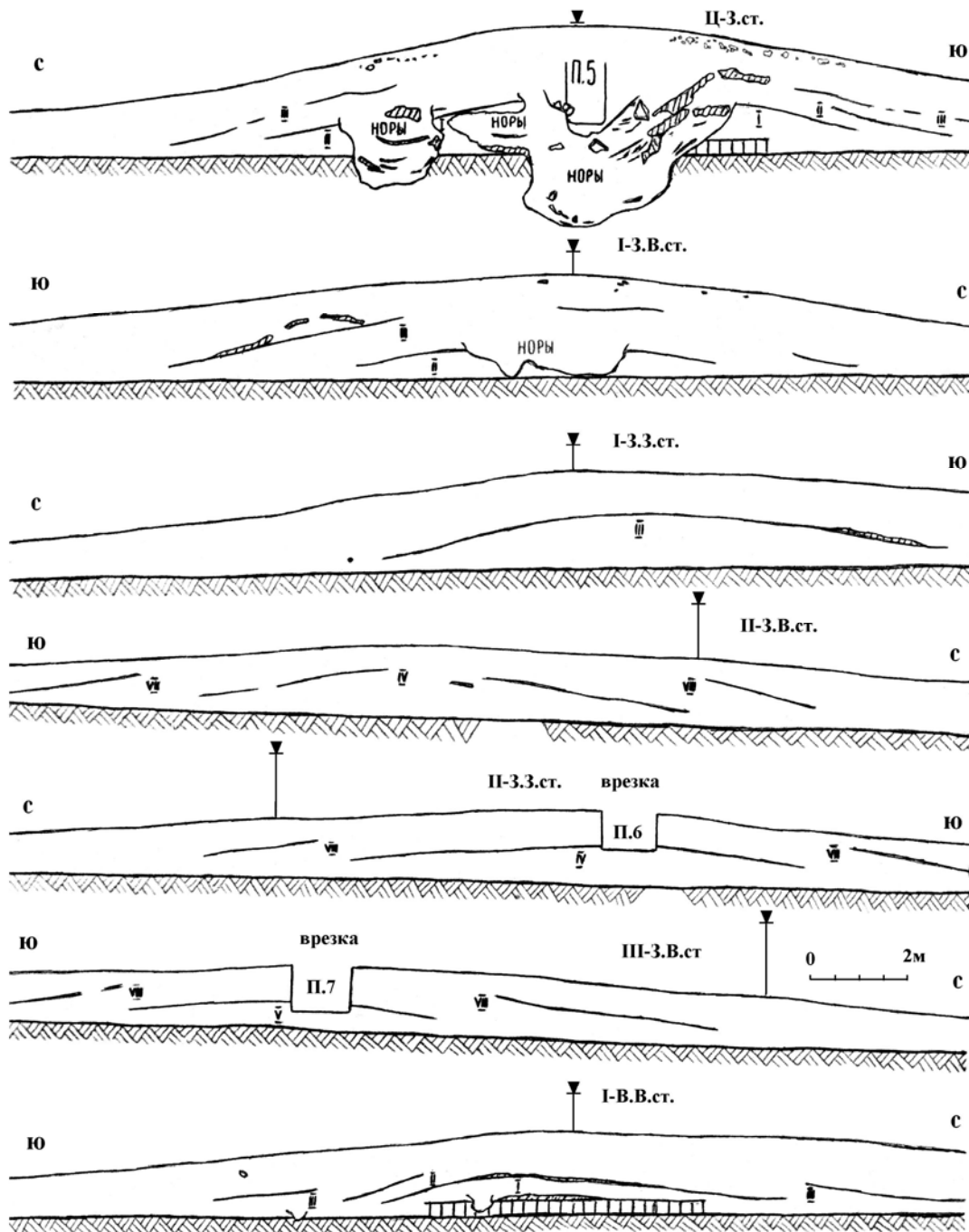

Рис. 3. Орловское, курган 1. Стратиграфические разрезы.

Fig. 3. Orlovskoje, barrow 1. Stratigraphy.

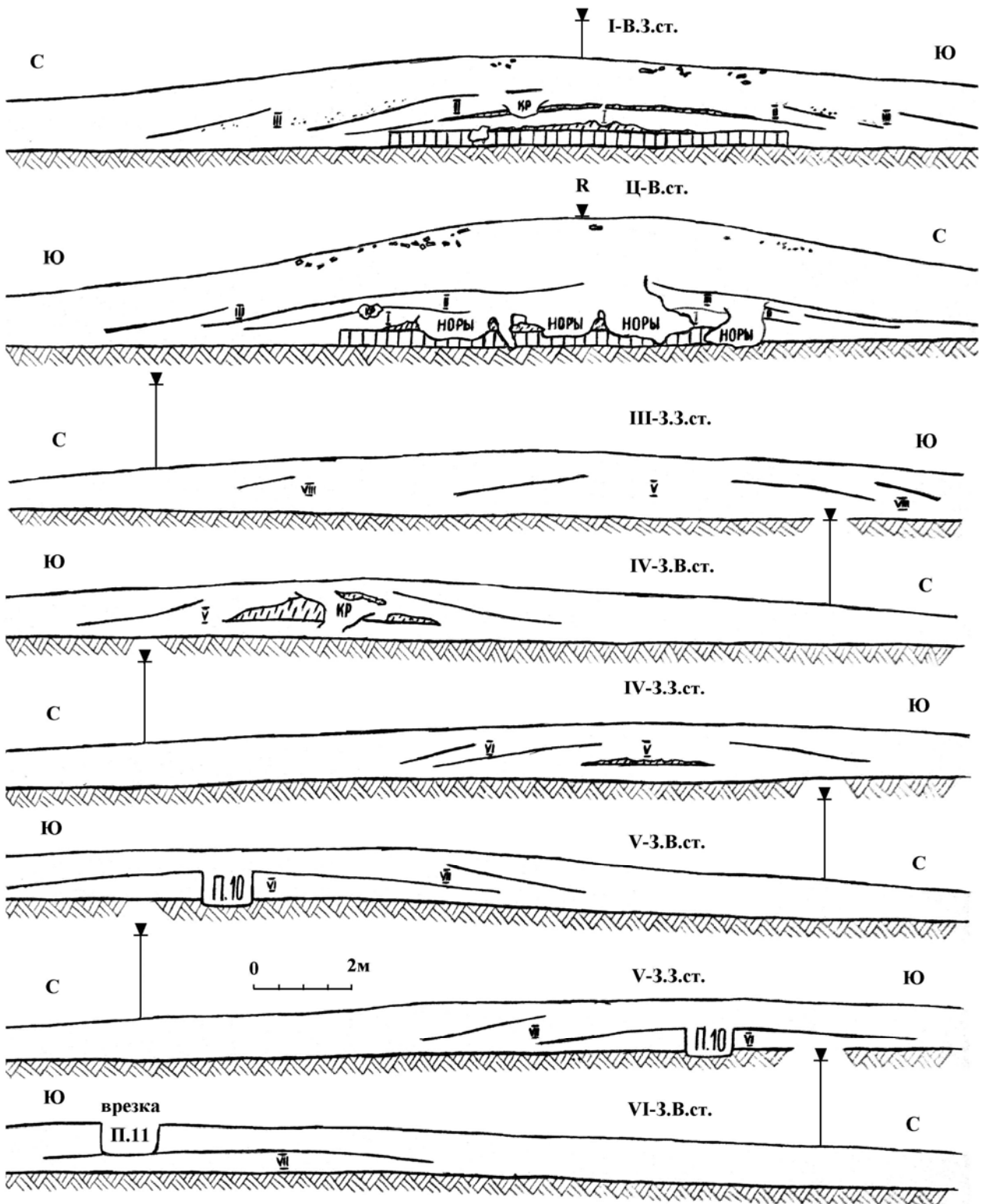

Рис. 4. Орловское, курган 1. Стратиграфические разрезы.

Fig. 4. Orlovskoje, barrow 1. Stratigraphy.

Курганная группа, в которую входил публикуемый нами курган¹, состояла из четырех насыпей, вытянутых по линии СЗ-ЮВ. Группа находилась в 1,2 км к северу от села, на водораздельном плато правого берега реки Кальмиус (рис. 1). Курган 1 был исследован в

¹ Автор выражает искреннюю благодарность И.И. Гнатко за возможность опубликовать материалы раскопок.

1991 г. Мариупольской археологической экспедицией под руководством В.К. Кульбаки [Кульбака и др. 1991], материалы погребений 8, 9, 12 ранее уже были опубликованы [Кульбака, Качур 2002, с. 52]. Также следует отметить публикацию стратиграфической колонки памятника, что, на наш взгляд, актуализирует введение в научный оборот всего комплекса [Литвиненко 1999, с. 9, рис. 5].

Курган занимал крайнее южное положение в этой группе, насыпь его была вытянута по линии ВСВ–ЗЮЗ. Длина его составляла около 60 м, наибольшая ширина около 20 м, высота 2,3 м. Насыпь распахивалась. Курган раскопан девятью траншеями, проложенными по линии С–Ю (рис. 2).

В стратиграфических разрезах по бровкам удалось проследить следующие слои:

- материк с уровня 2,6 м;
- погребенная почва толщиной 0,3 м, видимая линия ДГ около 8 м;
- материковый выкид из основного п. 4 на уровне ДГ мощностью до 0,2 м;
- насыпь 1 над основным п. 4 мощностью до 0,6 м, диаметром около 10 м;
- материковый выкид из впускного п. 3 мощностью до 0,1 м, лежащий на насыпи 1;
- гумусированная насыпь 2 над п. 3 мощностью до 0,5 м и диаметром до 13 м;
- насыпь 3, очевидно, связанная с п. 2 мощностью 0,6 м и диаметром около 16 м;
- выкид материка из впускного п. 8 мощностью 5-7 см, лежащий на насыпи 3;
- досыпка 4 над п. 8;
- материковый выкид мощностью до 0,4 м, лежащий на уровне ДГ из впускного п. 12, сооруженного за пределами первичного кургана;
- насыпь 5 над п. 12, также лежащая на уровне вторичного ДГ диаметром 10 м и мощностью до 0,6 м;
- досыпка 6 над п. 9, впущенным во вторичный курган, образованный насыпью 5 за пределами первичного кургана;
- досыпка 7 над п. 11, впущенным в полу вторичного кургана;
- досыпка 8, связанная с пп. 6 или 7, соединившая два кургана в один.

В кургане обнаружено двенадцать погребений: три катакомбных, семь срубных, одно кочевническое, одно неопределенно. В данной публикации мы коснемся только интересующих нас погребения срубной культуры.

Погребение 6 (рис. 5, 1). Сооружено в ЮЗ поле первичного кургана, в межкурганном пространстве на уровне 1,73 м от Р. Погребальное сооружение представляло собой каменный ящик из вертикально поставленных каменных плит. Сверху ящик также был перекрыт каменной плитой. Размеры ящика 1,2×0,9 м, высота 0,5 м. На дне обнаружены жженые угли и кальцинированные кости. В восточном углу находился сосуд, рядом с ним – изделие из кости/рога.

Лепной острореберный сосуд с широким устьем (рис. 5, 2). Венчик закруглен, бортиком нависает над плечиками. Дно плоское. Сосуд орнаментирован прочерченными линиями. Под венчиком одна линия, а ребро сосуда подчеркивают две параллельные прочерченные линии, идущие по всему диаметру. Между этими линиями располагаются прочерченные треугольники с двойными боковыми сторонами. Внутри треугольников и между ними располагаются по три накола острым предметом. Сосуд светло-коричневого цвета с черными пятнами, поверхность шероховатая, в тесте примесь песка. Внутри сосуда грубые расчески от заглаживания. Высота сосуда 13,3 см, диаметр венчика 18 см, боков – 20 см, дна – 12 см.

Фрагменты изделия из кости/рога: размеры 19×2,5 см.

Погребение 7 (рис. 5, 3). Впущено в СВ полу вторичного кургана, насыпанного над п. 12. Глубина погребения 1,94 м от Р. Погребальное сооружение представляло собой каменный ящик, состоящий из четырех плит, поставленных вертикально. Сверху ящик перекрывался плоскими камнями. На дне ящика были обнаружены жженые угли и

кальцинированные кости. В ЮВ углу находился сосуд, рядом с ним обнаружен фрагмент бронзового изделия.

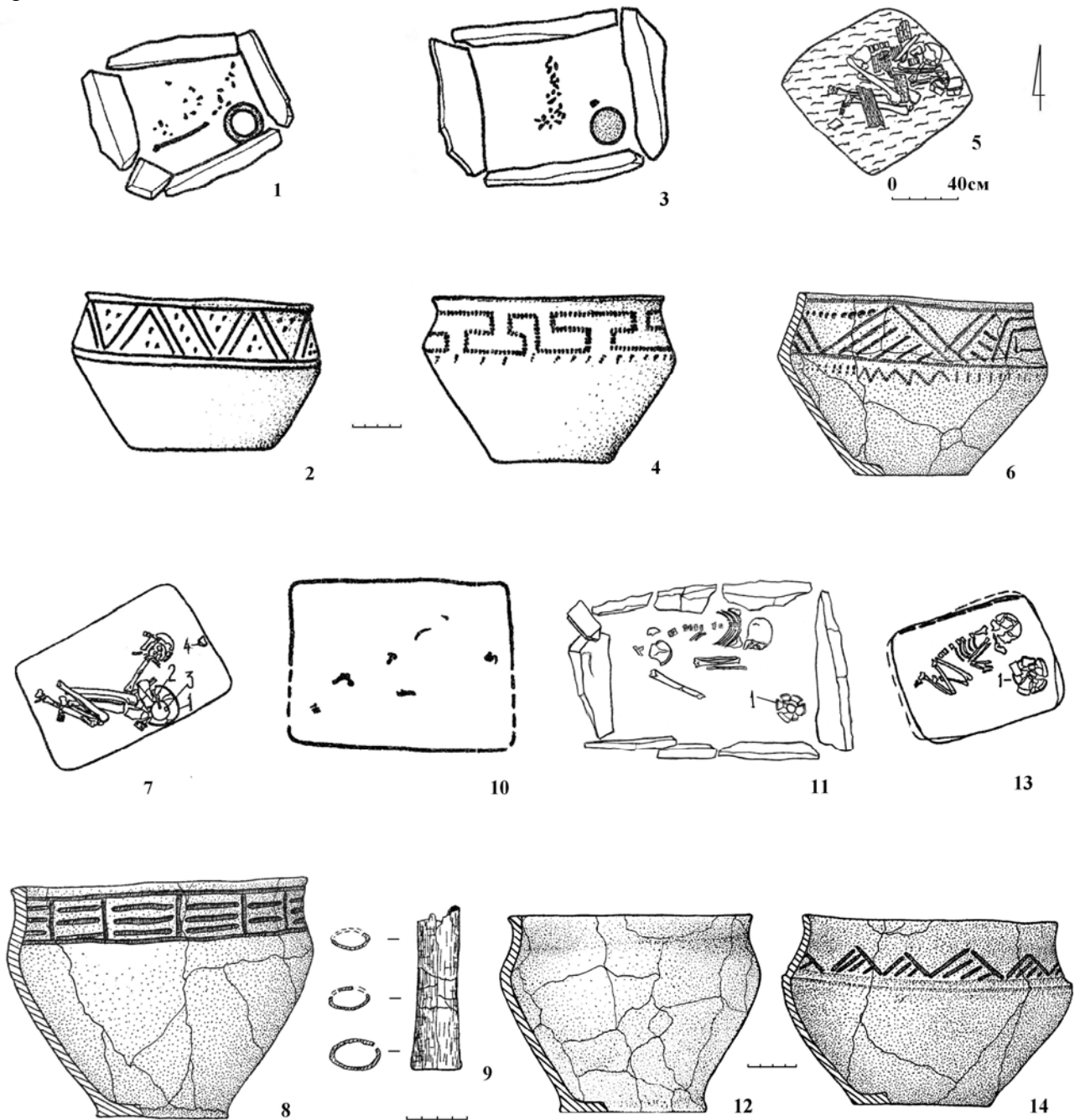

Рис. 5. Орловское, курган 1. Материалы срубных погребений:
1, 2 – погребение 6; 3, 4 – погребение 7; 5, 6 – погребение 8; 7-9 – погребение 9;
10 – погребение 10; 11, 12 – погребение 11; 13, 14 – погребение 12.

Fig. 5. Orlovskoje, barrow 1. Materials of burials of Timber-grave culture:
1, 2 – burial 6; 3, 4 – burial 7; 5, 6 – burial 8; 7-9 – burial 9;
10 – burial 10; 11, 12 – burial 11; 13, 14 – burial 12.

Лепной острорезберный сосуд (рис. 5, 4) с широким устьем и плоским дном, имеется небольшой поддон. Венчик закруглен и отогнут наружу. Сосуд орнаментирован в верхней части. Техника исполнения орнамента – зубчатый штамп. Под венчиком – это меандровая композиция, а по ребру идут короткие, редкие косые отпечатки того же зубчатого предмета. Поверхность сосуда шершавая, в тесте примесь песка. В нескольких местах в придонной

части поверхность сосуда оббита. Сосуд серо-коричневого цвета с темными пятнами. Высота сосуда 14,2 см, диаметр венчика 18 см, боков – 20,3 см, дна – 9,6 см.

Бронзовое изделие: кусочек плоской проволоочки (скрепка?), изогнутой в форме неправильного прямоугольника. Размеры изделия: 1×0,5 см, ширина проволоочки 0,2 см, толщина – 0,1 см.

Погребение 8 (рис. 5, 5). На расстоянии 6 м, под углом 230°, на уровне 3,15 м от Р. Погребение впущено с уровня насыпи 3, на которой прослежен выкид материка из него. Погребальное сооружение представляло собой подквадратную яму размерами 0,9×0,9 м вырытую в материке. На дне, на белом волокнистом тлене лежал костяк взрослого человека, скорчено, на левом боку, головой на СВ. Ноги в коленях и тазобедренных суставах согнуты под острым углом. Руки согнуты в локтях, кисти подведены к черепу. Череп лежал на левой стороне и был наклонен вперед. Сверху на костяке и в заполнении встречались фрагменты дерева, очевидно, от перекрытия. По их расположению можно предположить, что яма была перекрыта плахами поперечно костяку. На кистях погребенного находился развалившийся сосуд.

Половина лепного сосуда (рис. 5, 6) (венчик, стенки, небольшой фрагмент дна). Между венчиком и ребром сосуд орнаментирован заштрихованными треугольниками вершиной вверх и меандрами. Под венчиком и по ребру проходят линии, опоясывающие сосуд по диаметру. В двух местах между треугольниками расположены по восемь округлых вдавлений диаметром до 0,5 см. Под ребром сосуд небрежно орнаментирован. Композицию орнамента составляет зигзаг, короткие вертикальные линии, вдавления палочкой, маленькие прочерченные косые крестики. Техника исполнения орнамента – штамп с очень тонкими зубьями. Сосуд обожжен до красноватого цвета, имеются коричневые и серые пятна. Поверхность шероховатая, в тесте примесь песка. Высота сосуда 14,4 см, диаметр венчика 18 см, боков – 21,7 см, дна – 9 см.

Погребение 9 (рис. 5, 7). Впущено в ЮЗ полу вторичного кургана, насыпанного над п. 12 в 3,5 м к ЮЗ от него на уровне 2,62 м от Р. Погребальное сооружение представляло собой прямоугольную яму размерами 1,2×0,8 м, впущенную до уровня материка. Длинной осью погребение было ориентировано по линии ЮЗ – СВ. Сверху яма была перекрыта плоскими камнями. На дне ямы скорчено, на левом боку, головой на СВ лежал костяк взрослого человека. Ноги в коленях и тазобедренных суставах согнуты под острым углом. Левая рука согнута в локте, кисть ее подвернута к черепу. Череп, лежащий на левой стороне, наклонен вперед. Кости таза, грудной клетки, правой руки и позвонки отсутствуют. Перед костяком находился сосуд, на его обломках обнаружен кремь и изделие из кости. Под СВ стенкой обнаружен комок обожженной глины.

Большой лепной сосуд (рис. 5, 8) с переломом в верхней части (округлое ребро). Край венчика закруглен, отогнут наружу. У дна – тонкая закраина. Между венчиком и ребром сосуд орнаментирован «гусеничным штампом». Под венчиком и по ребру проходят горизонтальные опоясывающие линии, оттиснутые этим штампом. Пространство между ними заполнено вертикальными линиями, между которыми располагаются по три горизонтальные (в двух местах – по две). Сосуд обожжен до оранжевого цвета, имеются большие темно-серые пятна. Поверхность заглажена расчесами, местами наблюдается слабое лощение. Тесто однородное, с небольшой примесью песка. Высота сосуда 19 см, диаметр венчика 24,2 см, боков – 24,5 см, дна – 10,7 см.

Изделие из кости (обломок) представляет собой полую трубочку (рис. 5, 9). Изготовлено из трубчатой кости мелкого животного или крупной птицы. В сечении овальной формы, длина сохранившейся части 7,5 см, сечение – 2,3×1,3 см.

Кремневый нуклеус дисковидной формы, края подправлены мелкой ретушью. Вероятно, нуклеус использовался в качестве скрепка. Кремь светло-серого цвета, непрозрачный. Диаметр около 3,5 см.

Погребение 10 (рис. 5, 10). Впущено в юго-западную полу вторичного кургана с уровня досыпки VI, сооруженной над впускным п. 9. Погребальное сооружение в виде прямоугольной ямы впущенной в материк, размерами 1,35×1,05 м. Длинными сторонами яма ориентирована по линии З – В. Погребение разрушено норами, от костяка сохранились лишь фрагменты бедренной кости, ребер, тазовых костей. Положение погребенного установить не удалось.

Погребение 11 (рис. 5, 11). Самое западное в исследуемом кургане. Сооружено на уровне досыпки 7 вторичного кургана, насыпанной над п. 10. Погребальное сооружение представляло собой каменный ящик из плоских камней, поставленных вертикально. Ящик размерами 1,7×1,1 м и высотой 0,45 м, длинной осью ориентирован по линии З – В. На дне лежал костяк взрослого человека, скорчено, на левом боку, с разворотом на грудь, головой на В. Кости плохой сохранности. Берцовые кости обеих ног и бедренная кость отсутствуют. Руки сильно согнуты в локтях, кистями подведены к лицевой части черепа. Череп находился на левом боку. В ЮВ углу ящика обнаружен сосуд.

Лепной, профилированный сосуд (рис. 5, 12). Венчик прямой, местами слегка отогнут наружу, верх его закруглен. Шейка чуть вогнута, короткая, прямая, слегка расширяется к верху. Плечики округлые, выпуклые, плавно отделяются от шейки. Сосуд на небольшом поддоне. Дно плоское. Цвет – серо-коричневый с пятнами копоти, поверхность местами слабо залощена. Излом розовато-серый, в тесте примесь крупного песка. Высота сосуда 15,1 см, диаметр венчика 18,5 см, боков – 19,7 см, дна – 11 см, высота шейки около 2 см.

Погребение 12 (рис 5, 13). Основное для вторичного кургана, впущено с уровня вторичного ДГ за пределами первичного кургана с ЮЗ его стороны. Яма прямоугольной формы с закругленными углами, размерами 1,0×0,75 м. Длинной осью была ориентирована по линии ЮЗ – СВ. Северную стенку ямы перекрывала цинковка (от нее остался длинный волокнистый тлен беловато-серого цвета) и, вертикально поставленные плотно друг к другу тонкие доски. На дне скорчено, на левом боку, головой на СВ лежал костяк подростка. Ноги согнуты в коленях под острым углом, в тазобедренном суставе – под прямым. Руки согнуты в локтях, кистями у черепа. Перед черепом находился сосуд.

Лепной сосуд (рис. 5, 14) острореберной формы. Венчик слегка отогнут наружу, верх его закруглен. Шейка чуть вогнута, плечики высоко подняты, ребро подчеркнуто оттянутым рантиком. Дно плоское, у дна – слегка намеченный поддон. В верхней части сосуд орнаментирован заштрихованными треугольниками вершиной вверх. Орнамент выполнен «гусеничным» штампом. Сосуд обожжен до оранжевого цвета. Тулово сосуда – в мелких бессистемных расчесах. Поверхность шероховатая из-за большой примеси песка в тесте. Высота сосуда 14,3 см, диаметр венчика 20,3 см, боков – 23,1 см, дна – 10,7 см.

Исследованный курган относится к разряду так называемых «длинных» курганов, его длинная ось направлена по линии северо-восток – юго-запад. Анализ стратиграфии и планиграфии раскопанного кургана позволяет реконструировать следующую последовательность его создания. С уровня древнего горизонта было впущено катакомбное п. 4, перекрытое первичной насыпью 1. С уровня этой насыпи было впущено катакомбное п. 3 с досыпкой 2 над ним. С уровня досыпки 2 было впущено катакомбное п. 2, перекрытое досыпкой 3. Затем в юго-западную полу образовавшегося катакомбного кургана, с уровня досыпки 3 было впущено срубное п. 8, над которым возвели досыпку 4. Возможно, в это же время за пределами вышеуказанного кургана, с юго-западной его стороны, с уровня вторичного древнего горизонта было впущено основное для вторичного кургана п. 12, с насыпью 5 над ним. Затем, с уровня этой насыпи было впущено срубное п. 10, с досыпкой 6 над ним, а с ее уровня было впущено п. 9, с досыпкой 7. Несколько позже, в межкурганное пространство первичного и вторичного курганов были впущены срубные пп. 6 и 7 в каменных ящиках, с досыпкой 8, соединившей оба кургана. Возможно, в это же время в западную полу вторичного кургана также было впущено срубное п. 11 в каменном ящике. В последнюю очередь в вершину образовавшегося кургана было впущено кочевническое п. 5.

В планиграфии срубных захоронений публикуемого могильника достаточно определенно прослеживается линейное размещение, обусловленное формой уже существовавшей насыпи: могилы вытянуты цепочкой по линии северо-восток – юго-запад. Всесторонний анализ материала по планиграфии срубных курганов с привлечением стратиграфии позволяет сделать вывод о том, что принцип линейной планировки кургана является более поздним по сравнению с радиальным [Литвиненко 1994, с. 91]. Упорядоченность планировки, отсутствие случаев взаимонарушения и перекрывания могил свидетельствуют о том, что каждое погребение могло иметь какие-то внешние признаки, выделявшие его на поверхности. Косвенно это может говорить также о небольших временных разрывах между ними. Таким образом, общая хроностратиграфическая колонка срубных погребений кургана может быть представлена в следующем виде:

$$\begin{array}{r} 6 \ 7 \ 11 \ 9 \\ \hline 10 \\ \hline 12 \\ \hline 8 \end{array}$$

Здесь необходимо отметить следующий момент. Многолетние наблюдения Р.А. Литвиненко показывают, что погребения, впущенные в древний курган, являются более ранними по отношению к однокультурным захоронениям, сооруженным за его пределами². Таким образом, несмотря на отсутствие прямой стратиграфии между пп. 8 и 12, захоронение, впущенное в катакомбный курган, занимает более нижнюю позицию в стратиграфической колонке. Не противоречит стратиграфическим наблюдениям и тот факт, неоднократно зафиксированный в Приазовье и на Северском Донце, как относительно позднее появление и бытование каменных перекрытий ям, по сравнению с деревянными [Литвиненко 1992, с. 42]. На позднее появление каменных ящиков, основываясь на стратиграфии, обратил внимание еще В.А. Городцов [1907, с. 238-239, 248]. В целом же, бытование каменных ящиков приходится на развитый и поздний этапы существования срубной культуры [Литвиненко 1994, с. 109].

Преобладающая в положении умерших средне- и сильноискорченная левобочная поза с ориентацией в восточный сектор позволяет отнести большинство погребений могильника ко II хронологическому горизонту [Литвиненко 1999, с. 15]. Что касается погребения 7, то именно ко II и III периодам относится основная масса захоронений, совершенных по обряду кремации. Во всех известных случаях они занимали самое верхнее стратиграфическое положение в курганах [Литвиненко 1999, с. 17].

Обращает на себя внимание присутствие в погребальном инвентаре п. 9 изделия из кости (рис. 5, 9). Подобным костяным предметам посвящена обширная литература. Так, некоторые исследователи видят в них трубочки для доения [Галкин 1975, с. 186 – 192], горлышки для бурдюков [Гершкович 1982, с. 230], детали духовых музыкальных инструментов [Усачук 1999, с. 70-87]. На связь с культом Сомы-Хаомы костяных трубочек указывали авторы первой публикации Орловского кургана [Кульбака, Качур 2002, с. 7-9]. Формат данной статьи не позволяет нам рассмотреть все возможные трактовки и интерпретации, это задача для отдельного всестороннего исследования с привлечением археологических, лингвистических и этнографических параллелей. Во всяком случае, нахождение данной категории инвентаря в захоронении не противоречит общей хроностратиграфической ситуации [Литвиненко 1999, с. 15].

Наиболее массовым материалом в инвентаре Орловского могильника является керамическая посуда. Местоположение керамики внутри могильного сооружения во всех случаях отнесено к одной зоне: перед головой или грудью умершего. В основном остросереберные сосуды богато орнаментированы выше ребра. Геометрические композиции состоят из разнообразных углов, зигзагов, треугольников, меандров и их сочетаний,

² Автор благодарит Р. А. Литвиненко за предоставленную консультацию в этом вопросе.

усложненных окаймляющими поясами и вдавлениями. Техника нанесения орнамента более разнообразна сравнительно с применявшейся в предшествующее время: прочерчивание, вдавления зубчатого штампа, оттиски веревочки, перевитого шнура (гусеничный штамп), наколы острым предметом. В обработке поверхности применено подлощение и характерное паркетное заглаживание мелкозубчатым штампом (характеристики присущие керамическому комплексу развитого этапа срубной культуры Северского Донца) [Литвиненко 1994, с. 129]. Обрядово-инвентарный комплекс погребений могильника Орловское позволяет отнести их к III и IV горизонтам для Левобережного Предстепья [Ковалева 1981], что соответствует раннесрубной или сабастиновской ступени срубных древностей Нижнего Дона [Шарафутдинова 1995]. Они могут быть отнесены к ранней и поздней фазам II горизонта срубных могильников Северо-Восточного Приазовья [Литвиненко 1999]. Либо, на наш взгляд, возможно отнесение верхнего уровня стратиграфической колонки к ранней фазе III горизонта. В любом случае, представляется, что близость обрядово-инвентарных признаков может свидетельствовать о возведении курганной насыпи в достаточно короткое время, без значительных перерывов между захоронениями и о наличии между ними некоторой генетической связи.

Забавин В.О.

ПОХОВАНИЯ ЗРУБНОЇ КУЛЬТУРИ ДОВГОГО КУРГАНУ ПОБЛИЗУ СЕЛА ОРЛОВСЬКЕ (з розкопок В.К. Кульбаки)

Представлено матеріали кургану, дослідженого біля села Орловське Тельмановського р-ну Донецької обл., в деякій мірі доповнюють базу джерел з вивчення старожитностей зрубної культури Північного Приазов'я. Розглядаються питання внутрішньої періодизації кургану і деякі особливості обрядово-інвентарного комплексу.

Zabavin V.O.

THE TIMBER-GRAVE CULTURE BURIALS FROM LONG BARROW NEAR THE VILLAGE OF ORLOVSKOE (Excavated By V. Kulbaka)

The represented materials of long barrow near the village of Orlovskoe (Telmanovo district of the Donetsk region) complementary database to study Timber-Grave Culture in the North Azov region. Questions of the internal periodization of barrow and some special features of ritual – inventory complex are examined.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Галкин Л.Л. Одно из древнейших практических приспособлений скотоводов // СА. – 1975. – № 3. – С. 186-192.

Гершкович Я.П., Евдокимов Г.Л. Об одной категории костяных изделий срубной культуры // СА. – 1982. – № 4. – С. 228-232.

Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 г. // Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославе: В 3 т. – М., 1907. – Т. I. – С. 211-285.

Журнал раскопок Н.Е. Бранденбурга 1888-1902 гг. – СПб., 1908. – 222 с.

Качалова Н.К. Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга. Эпоха бронзы // САИ. – Вып. 4–12. – М.: Наука, 1974. – 56 с.

Клименко В.Ф. Раскопки курганов у с. Орловское, Приморского р-на г. Жданова Донецкой обл. в 1976 г. – НА ИА НАНУ. – № 1976/112.

Клименко В.Ф. Курганы юга Донетчины. – Енакиево, 1998. – 220 с.

Ковалева И.Ф. Север Степного Поднепровья в среднем бронзовом веке. – Днепропетровск: Изд-во Днепр. Ун-та, 1981. – 78 с.

Кульбака В., Качур В. Давні індоевропейці в світлі новітніх археологічних досліджень. – Маріуполь, 2002. – 96 с.

Кульбака В.К., Гнатко И.И., Никитин В.И. Отчет об археологических исследованиях курганов в зонах новостроек у г. Приволье Луганской обл., у с. Орловское и Приморское Новоазовского р-на Донецкой обл., у с. Андреевка Скадовского р-на Херсонской обл. и с. Щербани Вознесенского р-на Николаевской обл. – НА ИА НАНУ. – № 1991/113.

Литвиненко Р.А. Погребальные сооружения срубной культуры Подонцовья и Северо-Восточного Приазовья // ДАС. – Вып. 1. – Донецк, 1992. – С. 29-46.

Литвиненко Р.А. Срубная культура бассейна Северского Донца (по материалам погребальных памятников): дис. ... канд. ист. наук / Литвиненко Роман Александрович. – К., 1994. – НА ИА НАНУ. – Ф. 12. – Оп. 2. – № 750. – 345 с.

Литвиненко Р.А. Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья. – Донецк, 1999. – С. 4-23.

Макаренко М.О. Звіт про роботу археологічної експедиції по дослідженню на території Азовсталі і біля Маріуполя на протязі осені 1931 р. – НА ИА НАНУ. – Ф. ВУАК. – № 539.

Моруженко А.А., Посредников В.А., Привалов А.И., Зарайская Н.П., Гриб В.К. Отчет об археологических раскопках курганов в зоне строительства мелиоративных систем на территории Володарского и Тельмановского районов Донецкой обл. в 1980 г. – НА ИА НАНУ. – № 1980/98-а.

Пиневич П.М. Отчет об археологических раскопках в Мариупольской округе, произведенных в 1927 году. – Фонды МКМ. – № 6937-К.

Санжаров С.Н. О позднекатакомбных памятниках ингульского типа на территории Северо-Восточного Приазовья // Древности Северского Донца. – Вып. 2. – Луганск, 1999. – С. 44-61.

Трифилев Е.П. Археологическая экскурсия по течению р.р. Кальмиуса и Кальчика в пределах Мариупольского уезда Екатеринославской губернии летом 1904 г. // Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославе. – М., 1907. – Т. I. – С. 366 – 368.

Усачук А.Н. Исследование курганов срубного времени (по материалам архива и фондов Донецкого краеведческого музея) // 100-річчя Полтавського краєзнавчого музею. – Полтава, 1991. – Ч. 2. – С. 46-48.

Усачук А.Н. Раскопки Н. Е. Макаренко и В. М. Евсеева на территории Донецка // ДАС. – Вып. 3. – Донецк, 1993. – С. 46-52.

Усачук А.Н. К вопросу о костяных деталях духовых музыкальных инструментов в эпоху бронзы // Древности Северо-Восточного Приазовья. – Донецк, 1999. – С. 70-87.

Харламов В.А. Раскопки на берегах р. Кальмиуса и в Области Войска Донского // Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославе. – М., 1908. – Т. II. – С. 235-236.

Шарафутдинова Э.С. Начальный этап эпохи поздней бронзы в Нижнем Подонье и на Северском Донце // Донские древности. – Вып. 4. – Азов, 1995. – С. 93-116.